

СОВЕТСКАЯ ЖЕНЩИНА КАК ВНУТРИСЕМЕЙНЫЙ АГЕНТ ВЛАСТИ В АНТИАЛКОГОЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Болотова Елена Владимировна,
*преподаватель кафедры культурологии и философии
Пермского государственного института культуры,
614045 Россия, Пермь, ул. Газеты Звезда, 18
ORCID: 0000-0001-5506-7892
pineapples.in.champagne@gmail.com*

Аннотация

Статья посвящена образу женщины, конструируемому властным дискурсом в ранний советский период. В фокусе внимания – навязывание советским женщинам, помимо социальной роли работницы производства, общественницы и матери, еще одной роли – контролера за общественным порядком. Исследование посвящено трансформированию женского образа в рамках антиалкогольной политики. Содержание этого дополненного образа и способы его трансляции в массовой литературе были изучены с помощью качественного контент-анализа. Источниками послужили тексты, представляющие позицию редакции, и письма читателей, опубликованные в журнале «Работница» с 1925 по 1936 г., статьи из журнала «Революция и культура» за 1928–1930 гг. и пропагандистские брошюры.

В ходе исследования было обнаружено, что в борьбе за «культурно пьющих» граждан пропаганда начала менять адресатов своих властных посланий. Вместо того чтобы обращаться к жертвам алкогольной зависимости, мужчинам, пропаганда направила свое внимание на их жен. Героини антиалкогольных статей представляли перед читателями невинными жертвами мужниного пьянства, но в то же время подчеркивалось, что они обладают большим личностным потенциалом, чтобы мужественно бороться с алкоголизмом. В связи с этим образ женщины начинал приобретать всё более положительные черты. Истории женских судеб вызывали не только сострадание и жалость, но и восхищение. В то же время образ присутствовавшего рядом с ней мужа становился всё более жалким, беспомощным и проявляющим низкую социальную ответственность. Официальный дискурс 1930-х гг. стремился передать женщине полномочия семейного и социального контроля. Вследствие этого конструируемый образ трудящейся женщины-матери, занимающейся общественной работой, обогатился социально-воспитательной и общественно-регулирующей функцией. Таким образом, антиалкогольная пропаганда провоцировала изменение ранее су-

шествующего гендерного порядка, при котором главенствующее место в семье занимал мужчина, и выводила на передний план женщину как более сознательного советского человека.

Ключевые слова: ранний советский период, советское общество, 1930-е гг., советская гендерная культура, образ советской женщины, пропаганда, социальная политика, властный дискурс, антиалкогольная политика, идея социального контроля.

Библиографическое описание для цитирования:

Болотова Е.В. Советская женщина как внутрисемейный агент власти в антиалкогольной политике // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 2, ч. 2. – С. 418–433. – DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.2.2-418-433.

Ранний советский период стал для российской культуры временем формирования новых норм и ценностных ориентиров, среди которых было освоение нового большевистского языка [7]. Концепт «новой культуры» [2] внедрялся школой и другими образовательно-воспитательными институтами, литературой, театром и оказал влияние на несколько поколений советских граждан. Не менее важно и то, что образы, сконструированные и транслируемые в советский период, в разной степени сохраняют свое влияние и в сегодняшнем постсоветском обществе. Вне зависимости от того, воспроизводятся ли они, предпринимаются ли попытки их отрицания или преодоления, наша культура сохраняет с ними связь.

«Новый человек» был одним из главных концептов советского периода. Изучение проекта «нового человека» стало центральной задачей исследований М. Геллера, Н. Лебиной, Голдман (см. [3, 4, 6]), посвященных процессу воспитания (нормализации) советских граждан. Стивен Коткин в монографии «Магнитная гора» [18] зафиксировал формирование советского быта и советской культуры, рассматривая режим сталинизма не просто как совокупность функционирующих институтов, а как особую цивилизацию, пронизанную идеологией. В работе «Life Stories of Soviet Women: The Interwar Generation» [17] Мелани Илич благодаря собранным интервью удалось описать формирующийся мир новой повседневности советских женщин. Сьюзан Рейд [19] реконструировала гендерные нормы сталинской эпохи через анализ идеала женщины в советском искусстве. Эти работы позволяют рассмотреть проект «нового человека» еще и с точки зрения гендерного подхода.

Настоящая статья посвящена образу женщины, который конструировался в 1920–1930-е гг. В фокусе внимания окажется навязывание советским женщинам еще одной (наряду с уже имеющимися) функции – социального контроля. Некоторые результаты исследования опубликованы автором ранее [1]. В них методом качественного анализа контента массовых

опубликованных источников удалось зафиксировать динамику изменения концепта советской женщины и способов его презентации. В частности, исследовалась технология пропаганды новых моделей поведения. Источниками послужили тексты, представляющие позицию редакции и письма читательниц, опубликованные в журнале «Работница»¹ за 1925–1936 гг., статьи из журнала «Революция и культура»² за 1928–1930 гг. и пропагандистские брошюры. Чтобы перейти к последующему этапу исследования феномена советской женщины, необходимо кратко обозначить основные моменты предшествующих работ.

Интерпретация журнального дискурса показала, что советская женщина – это прежде всего общественница, делегатка, работница, посетительница собраний и библиотек, член партийной ячейки, т. е. активный социальный индивид, освобожденный от угнетения и предрассудков прошлого. Она трудится на благо людей, которые помогли ей почувствовать себя полноценным человеком и важной частью коллектива. Таким образом, власть через журнальные публикации стремилась сконструировать культурную норму, следование которой устанавливало бы новый гендерный порядок в рамках существующего политического режима. Фактически в своем изначальном варианте советская женщина ничем не отличалась от советского человека, т. е. мужчины. Но на пути к реализации этого образа женщина имела ряд препятствий, которые ей следовало преодолеть. Основными факторами ее депривации оставались домашние обязанности, материнство, а также необразованный муж-тиран, который не давал ей развиваться и вообще воспринимал не иначе как кухонную рабыню. Одной из первостепенных декларируемых задач советской власти в решении женского вопроса было сделать из женщины полноценного участника социалистического общества, освободив от пережитков прошлого. Подобная риторика власти изящно декорировала довольно утилитарную цель – превратить неработающих домохозяек в трудовой ресурс разворачивающейся индустриализации [4].

Однако к 1930-м гг. образ советской женщины стал обогащаться новыми чертами. Появилась та самая гендерная составляющая, отличающая советскую женщину от собирательного образа советского человека. Прежде всего это выразилось в том, что во властном дискурсе зазвучала тема деторождения, т. е. возможности (или обязанности) женщин

¹ Ежемесячный общественно-политический и литературно-художественный журнал для женщин в издательстве газеты «Правда» (Москва), основанный по инициативе В.И. Ленина в 1914 г. и издававшийся впоследствии под редакцией ЦК тиражом от 100 до 400 тыс. экземпляров. В разное время членами редакции были Н.К. Крупская, И.Ф. Арманд, А.М. Коллонтай, З.И. Лилина и др.

² Культурно-политический журнал ЦК под редакцией Н.И. Бухарина и А.В. Луначарского. Выпускался с 1927 по 1930 г. в издательстве газеты «Правда».

умножать мощь государства посредством рождения здоровых младенцев. Следующим вновь появившимся пропагандистским сюжетом стало то, что у советской женщины, оказывается, есть нераскрытый потенциал в осуществлении социального контроля и поддержании общественного порядка.

В основе социального контроля со стороны советской женщины лежали традиционные идеи о гармонизирующей роли женщины в семье (см. [10]). Согласно этому убеждению, женщина должна была стать своеобразным рычагом управления, действующим внутри каждой отдельной семьи, – представителем социального надзора и транслятором советской культурности в быту. Дело в том, что оформившаяся в середине 1930-х гг. «концепция культурности» была вызвана к жизни рядом реальных проблем, связанных с низким уровнем образованности и количеством фиксируемых социальных нарушений – от элементарной нечистоплотности и бытового хамства до хулиганства и растущей преступности. Подобные отклонения встречались повсеместно, однако в первую очередь власть всё-таки стремилась упорядочить жизнь рабочего класса и членов партии. «Регулярно приходилось исключать из партии или выносить предупреждения недобросовестным коммунистам, которые не желали платить взносы, пьянствовали, участвовали в религиозных обрядах или проявляли полнейшее непонимание политики, проводимой ЦК ВКП (б)» [16, с. 90]. Поскольку проблема была масштабной, то для ее решения требовалось привлечь столь же мощные ресурсы. В число этих ресурсов, судя по данным источников, было решено включить и советских женщин. Именно на женщин-общественниц возлагались большие надежды по внедрению новых практик гигиены, досуга и дисциплинарного контроля.

Одним из ярких примеров реализации подобной установки служит создание всевозможных объединений жен: рабочих, служащих госаппарата, иначе именуемое «движением общественниц». Такие объединения должны были качественно улучшить жизнь советского общества.

Согласно одной из версий, предложенной В.В. Волковым, подобные объединения сложились сначала у жен руководящих работников промышленности, и принадлежала эта инициатива Серго Орджоникидзе. Отправной точкой послужило его посещение Красноуральского завода в 1934 г., где он взял на заметку деятельность жены начальника трансформаторной станции Клавдии Суровцевой. Женщина создала на территории завода красивую цветочную клумбу и следила за ней, облагораживая тем самым территорию учреждения. Эта инициатива была подхвачена народным комиссаром тяжелой промышленности, и впоследствии ей был придан всесоюзный размах. Началом движения стала организация Всесоюзного совещания жен хозяйственников и инженерно-технических работников тяже-

лой промышленности в мае 1936 г., за которым последовали подобные совещания в других отраслях, в сфере коммунального хозяйства, в Красной Армии и прочих [2, с. 201]. Основной задачей таких объединений было сплочение женщин и направление их энергии на решение посильных социальных проблем – прежде всего переустройства быта рабочих в соответствии с новыми нормами культуры. «Они не занимались агитацией и пропагандой. Общественницы изменяли обстановку, а обстановка постепенно изменяла людей» [2, с. 201].

Большинство повседневных аномалий вызывалось традиционной культурной проблемой – пьянством и отсутствием эффективного контроля потребления алкоголя. Именно пьянство занимало прочное первое место среди социальных проблем, вынесенных в публичное пространство и освещаемых периодической печатью того времени. Оно было неотъемлемым атрибутом досуга, «...судя опять-таки по письмам рабочих, содержание семейных вечеров [вечера, проводимые в клубе для рабочих, куда приводили жён и детей – сноска от автора] резко изменилось. Вместо игр, живых газет и самодеятельных выступлений – “товарищеское сближение” происходит, главным образом, на почве, выражаясь языком рабочих замечок, “самодеятельной пьянки”» [13, с. 19]. Как утверждали журнальные статьи, публиковавшиеся в «Работнице», пьянство лежало в основе семейного насилия и угнетения женщин и губило будущее нации. Кроме того, опасность заключалась в том, что пьянство могло сорвать выполнение производственных планов.

Также алкоголь связывали с нищенским существованием рабочих: «Очень часто от работниц приходится слышать жалобы на то, что некоторые мужья пропивают всю получку, и всё это происходит как будто бы оттого, что стали торговать водкой» [13, с. 25]. Дело в том, что в 1925 г. в СССР произошла легализация продажи спиртных напитков, и это вызвало скачкообразный рост потребления доступной и довольно дешевой водки, прозванной «рыковкой». Как отмечают исследователи, в частности М. Михель, «проблема алкоголизма стала ведущей проблемой советской социальной гигиены второй половины 1920-х годов» [8, с. 156]. Однако обратим внимание на используемый оборот «будто бы», подразумевающий, что данное мнение является заблуждением. У автора цитируемой статьи была нелегкая задача: объяснить читателям, что легализацию алкоголя и проблему пьянства не стоит рассматривать как связанные явления. В таком контексте пьянство из политической и экономической области неизбежно должно было переместиться в сферу культуры (точнее, ее недостатка).

Отношение к проблеме пьянства неоднократно менялось на протяжении советской истории. В изначальной концепции большевиков под-

разумевалось, что новый советский человек должен вести исключительно трезвый образ жизни (см. [6]). Стремясь дисциплинировать граждан и полностью оградить их от пагубного влияния алкоголя, в декабре 1919 г. был принят декрет «О воспрещении изготовления и продажи спирта...» [11]. Однако вполне ожидаемо, что подобные действия не возымели успеха и рабочие продолжали употреблять спиртное в виде всевозможных суррогатов. Отчего проблема пьянства дополнилась еще и отравлениями некачественной, а часто и совершенно непригодной для пищевого употребления спиртной продукцией.

Спустя шесть лет «безалкогольной жизни» большевики были вынуждены признать не только бесполезность такой установки, но и серьезные бюджетные проблемы, связанные с отсутствием традиционных для российской казны акцизов на алкоголь. В 1924 г. правительство меняет вектор своей политики и объявляет государственную монополию на изготовление алкоголя, опираясь на удачный опыт дореволюционного времени: речь шла фактически о возврате к «пьяным бюджетам» времен С.Ю. Витте. Утопическая идея советского рабочего-трезвенника была забыта.

Умеренно пьющий гражданин был в какой-то мере даже удобен: абстрагировавшись с помощью алкоголя от бытовых и социальных неурядиц, он находил в нем утешение, не пытаясь искать справедливость или менять существующий порядок. Возможность выпить была незамысловатым и вместе с тем доступным вариантом досуга для многих советских граждан. Таковым, собственно, пьянство было и в императорской России: «Разумеется, неслыханная нищета, которая была у нас, должна была породить такое явление – как пьянство, потому что ежели у человека ничего нет, то ему ничего не остается для того, чтобы отвлечься от своей тяжелой жизни, кроме пьянства, ибо пьянство – это самое дешевое “удовольствие”» [5, с. 12].

Но поскольку советский человек в первую очередь был работником производства, то неумеренное потребление алкоголя могло отрицательно сказаться на его трудовой деятельности. Получалась следующая дилемма: совершенный трезвенник образовывал брешь в государственном бюджете, но алкоголик являлся угрозой для развития производства. И та и другая крайность, по сути, превращались в социальную аномалию. Появилась проблема определения нормы, связанная с потреблением алкоголя: необходим был какой-то компромисс в формировании практик потребления спиртного. И точнее всего новую норму можно было обозначить так: советский человек должен был стать «умеренно пьющим» (или культурно выпивающим) [6].

Любопытно, как такое противоречие было представлено широким народным массам. Точнее всего его можно проследить на примере брошюр

Ю. Ларина³ «Алкоголизм и социализм», выпущенных Государственным издательством и Обществом борьбы с алкоголизмом в 1929 г. тиражом 15 тыс. экземпляров. В текстах этого документа советским гражданам открыто и незамысловато объяснялось, что в советском государстве на настоящий момент существует три беды. «Пьянство разлагает наши общественные организации, отталкивает от нас ту часть рабочих масс, которая хочет трезвой жизни... вторая беда заключается в том, что потребление пива, вина, водки значительно понижает производительность труда... третья беда, которую несет с собой алкоголизм, – это значительное ухудшение положения рабочих. Рабочие сейчас пропивают довольно приличную часть своей зарплаты» [5, с. 18–20]. Таким образом, алкоголь в дискурсе приобретал исключительно негативные коннотации, и позиция автора сводилась к тому, что необходимо нормализовать практики употребления алкоголя. Но тогда нелогичным становилось разрешение продажи алкоголя на государственном уровне. Такое противоречие объяснялось в брошюре весьма просто и откровенно. «Но если алкоголизм так вреден, спрашивается: почему же мы допускаем производство и продажу водки? <...> Нам нужны были деньги для постройки новых заводов. Денег этих не было, а между тем в стране очень сильно распространилось потребление самогона. Таким образом возникла мысль: для вытеснения более вредного самогона начать продавать водку, а на собранные таким образом деньги строить новые заводы, создавая тем самым возможность выпуска в население новых товаров, уже полезных, посредством которых можно будет уже потом бороться с алкоголизмом» [5, с. 21–22]. Итак, сначала водка, а потом борьба с ней. «Мы знали, что это вредно, ненормально, но мы шли на это, потому что самогон всё равно существовал, потому что мы в доходе от водки видели временное средство» [5, с. 22].

Теперь граждане, которых следовало сделать «умеренно пьющими», нуждались в какой-то постоянной и действенной системе контроля, чтобы оставаться в диапазоне советской алкогольной нормы. Сначала большие надежды возлагались на сеть общественных организаций, в 1928 г. объединенных в Российское общество по борьбе с алкоголизмом (ОБСА). Но в 1930 г. отношение к Обществу со стороны правительства резко изменилось. «Руководителей Общества подвергли критике за неправильный выбор средств и методов борьбы, обвинили в превышении полномочий, увлечении администрированием» [9]. А в апреле 1932 г. его практически ликвидировали, объединив с обществом «За здоровый быт». В сложившихся условиях государству требовался новый рычаг в осуществлении антиалкогольной политики, но на этот раз действенный и стабильный.

³ Юрий Ларин (17 июня 1882 г., Симферополь – 14 января 1932 г., Москва) – деятель российского революционного движения, советский хозяйственный деятель, экономист, публицист.

Один из руководителей ОБСА Ю. Ларин недвусмысленно высказался о том, что же необходимо предпринять для решения проблемы пьянства и кто может стать этим спасительным контролирующим элементом, так сказать, на микроуровне, непосредственно в гуще быта. Он обращался к советским женщинам, предварительно обозначив их как наиболее сознательных членов советского общества: «... между тем замечено, что хотя женщины слабее, тем не менее процент женщин, доживающих до старости, больше, чем процент стариков-мужчин. Именно потому, что женщины меньше пьют, продолжительность жизни их больше» [5, с. 27]. Из этого следует, что поведение женщин гораздо больше соответствует представлениям государства о советских нормах, и женщина даже может являться своеобразным эталоном. Но, несмотря на всё это, по утверждению Ларина, женщина страдала от алкоголизма тройне: от пьянства мужчин в ее семье и сопутствующих побоев и нищеты, иногда от собственного пьянства и от возможного пьянства детей. Эти три положения конструировали образ женщины как невинной жертвы, которая, несмотря на свою сознательность (в сравнении с мужчинами), страдала больше всех. Подчеркивая несправедливость сложившейся ситуации, пропагандистская литература предлагала своим читательницам перестать быть жертвами ситуации (ведь времена кухонного рабства прошли) и отстоять свое гордое звание советской женщины.

Для этого им предлагался комплекс мер по пресечению употребления алкоголя в своей семье. «Что может и должна делать коммунистка или делегатка и вообще женщина-работница и крестьянка (и служащая) для борьбы с этим бедствием? Прежде всего нужно самой твердо решиться не пить никогда ничего спиртного и не позволять давать детям хотя бы понемножку. Надо развить отвращение и презрение к питью спиртных напитков, к алкоголизму как к позорному остатку старого рабства» [5, с. 135]. Таким образом, первый шаг – самоконтроль, второй – установление контроля над детьми, что, кстати, вполне вписывается в общую политику советской власти, всё более возлагающей ответственность за детей на семьи и конкретнее – на матерей.

Следующий рекомендуемый шаг требовал от «коммунисток, делегатов и женщин вообще» более решительных действий. «Надо сговориться с теми, кто тоже хочет чистой жизни, без пьянства и разгула..., чтобы вместе стараться повернуть дело в другую сторону» [5, с. 135]. В этом пункте женщинам предлагалось объединить свои усилия, подключить непьющих мужчин и добиваться запрещения продажи водки в отдельных частях города, согласно закону Совнаркома от 4 марта 1927 г. Также на женщин возлагалась задача усилить борьбу с шинкарством, с тайной продажей водки и самогона, так как без этого их работа по первому пункту будет совершенно

бессмысленной. Кроме того, именно гражданки должны были через требования к местным советам настоять на открытии учреждений для больных запоем. Отдельно подчеркивалось, что выпивка неразрывно связана с днями получки и обеденными перерывами. Насчет этого пункта Ларин не дает конкретных рекомендаций своим читательницам, но заявляет, что именно «женщины-делегатки и вообще женщины» могут сыграть большую роль в отказе от этих пагубных традиций, хотя практики контроля за мужем в дни получки женщины начали осуществлять задолго до рекомендаций из брошюры. «Уже в 1922 году во многих городах частым явлением стали кордоны женщин и детей у проходных промышленных предприятий в дни зарплата» [6, с. 331]. В-третьих, контроль над мужем рекомендовалось устанавливать не прямо, а косвенно, через управление пространством (точки продажи алкоголя) и временем (обеденные перерывы, дни получки).

И, в-четвертых, женщинам советовали применять общественное (а по сути, чисто женское) воздействие на пьянствующих – отказываться танцевать с ними, ходить на прогулки и т. д. «Всем этим каждая женщина – участница Общества – сделает полезную и нужную работу для нового дела социалистического строительства новой жизни. А коммунистки и делегатки взяться за эту работу прямо обязаны – своей партийной и своей общественной ролью» [5, с. 138]. Таким образом, предполагалось, что именно женщина может осуществлять неформальные, но эффективные повседневные санкции в отношении пьющих мужчин.

Если изложенная выше программа, которую можно условно назвать «четыре шага к трезвости», не срабатывала или не приносила желаемого эффекта, рекомендовалось обратиться в иные властные инстанции (например, в милицию). Особенно подчеркивалось, что на их стороне не только мораль и право, государственная и общественная поддержка, но и численное превосходство. «В рабочих поселках женщины сплошь и рядом могут составить большинство даже сами, а особенно вместе с той частью мужчин, которая не сочувствует питью [5, с. 135]». То есть на женщин ложился не только контроль за пьющими мужчинами, но и мобилизация непьющих мужчин для осуществления полезных гражданских практик, отчасти новых вариантов проведения вне рабочего времени. В итоге «советская женщина» должна была превратиться в око контроля внутри каждой семьи и в сбалансированный рычаг управления своими домочадцами. Также можно отметить, что, желая добиться равенства и освободить женщину от темного дореволюционного прошлого, социальная политика через идеализируемый образ подняла ее гораздо выше других членов семьи. В то время как образ женщины был неразрывно связан с сознательностью, ответственностью, дисциплиной и самоотдачей (общественница, ударница, образцовая мать), образ мужа чаще всего

имел отрицательные коннотации (бросивший семью, выпивающий, невоспитанный, грубый).

Я не припомню ни одной журнальной статьи, где бы осуждаемый редакцией мужчина фигурировал отдельно от упоминаний о водке. Страдающая женщина и ее пьющий муж стали классической парой в советской агитационной печати. Это можно наглядно проследить в сюжетах агитационных плакатов. Например, у П. Соколова-Скаля «Стой. Последнее предупреждение» 1929 г. в центре композиции изображен мужчина на краю пропасти, который из-за бутылки не видит опасность и свое скорое падение вниз. Его держит сильная рука советского общества, не давая ему упасть на дно жизни. На заднем плане располагается хрупкая фигура женщины с двумя детьми, беспомощно смотрящие ему в след. Хотя, опираясь на трактат Ю. Ларина, мы можем предположить, что цепкая спасительная рука – это и есть рука хрупкой невинной женщины, ведь именно ей государство делегировало ответственность за спасение утопающих в алкоголе.

Аналогичный текстовый вариант подобной ситуации не сложно найти в журнале «Работница». Данный пример взят из типичной истории ударницы: «Нужда проступала в зеленых пятнах зловещей сырости... Год был тяжелым для Феоны – умер от запоя муж, на руках осталось двое детей» [12, с. 32].

Пропагандистские тексты внушали надежду на возможность перевоспитания таких людей. В далекой перспективе планировалось «ударить по пьянству» продвижением книги и радио в массы – но среди срочных задач было просто пресечь общественные нарушения. А способ реализации новой формы контроля уже был определен. Адресаты властных посланий стали отделяться от граждан вообще или самих мужчин, жертв алкогольной зависимости. Фактически ими становились их более сознательные жены. Что, в общем-то, не сложно объяснить, ведь какой смысл разговаривать с человеком в состоянии алкогольного опьянения... Гораздо логичнее установить контакт с теми, кто его окружает, кто может и должен на него повлиять положительным образом. Включение советских женщин в число субъектов антиалкогольной политики возвышало их формирую-

П. Соколов-Скаля. «Стой. Последнее предупреждение», 1929 г.

щийся образ. Идеал самоотреченной, ответственной работницы транслировался в героических историях на страницах журналов: «На моих плечах не только большая семья, но и больной муж. Мне часто говорят: “Брось общественную работу”, но ничто не может заставить меня замкнуться в своем быту» [14, с. 31].

Поскольку пьянство преподносилось советской пропагандой как явление антиобщественное и постыдное, то жене пьющего мужчины постепенно внушалась дилемма: либо уйти от мужа, порочащего не только свое имя, но и всю свою семью, либо послушаться товарища Ларина и взять на себя функцию контроля – постараться нормализовать его. Но важно отметить, что подобная установка не укладывалась в рамки патриархального уклада. Получалось, что если раньше муж контролировал жену и был главой и представителем своей семьи в обществе, то теперь женщина контролировала внутреннее семейное устройство и мужчину. Это право неформально, но прочно закрепляется за ней и тем самым формирует новую культурную норму: в советском дискурсе главой семьи становилась женщина.

Отдельным элементом в борьбе за социальный контроль стало формирование детского движения. «Довольно эффективной формой общественного протеста против алкоголизации стали детские демонстрации под следующими лозунгами: “Пролетарские дети против пьющих отцов”, “Отец, не пей. Купи книги детям, одень их”, “Отец, брось пить. Отдай деньги маме”» [6, с. 338]. Все эти призывы в общем и целом можно свести к последнему – «Отдай деньги маме», что по сути подразумевает следующее: передай контроль за семьей жене, она лучше справится с этим делом. Ведь по факту тот, кто контролирует семейный бюджет, тот контролирует семью: он решает, на что будут направлены средства, а в итоге выбирает образ жизни.

Подведем итог. Официальный дискурс 1930-х гг. определенно стремился передать женщине полномочия семейного и социального контроля, видя в ней надежную опору для реализации своих идей. Вследствие этого конструируемый образ трудящейся женщины-матери, занимающейся общественной работой, обогатился социально-воспитательной и общественно-регулирующей функцией. В частности, политической пропагандой транслировался образ женщины, отвечающей за трезвость семьи и особенно мужа. Тем самым женщине предлагалось укрепить свое социальное положение. Но навязываемые властные полномочия можно считать скорее компенсацией за двойную нагрузку матери и работницы, а не шагом на пути к реальному улучшению положения женщины в советском обществе.

Литература

1. Балотова Е.В. О почетной гражданке и счастливой матери: эволюция образа «советской женщины» в 1930-е годы // *Обсерватория культуры*. – 2019. – Т. 16, № 3. – С. 300–309.
2. Волков В.В. Концепция культурности, 1935–1938 годы: советская цивилизация и повседневность сталинского времени // *Социологический журнал*. – 1996. – № 1–2. – С. 194–213.
3. Геллер М. Машина и винтики: история формирования советского человека. – Лондон: Overseas Publications Interchange, 1985.
4. Голдман В.З. Женщины у проходной: гендерные отношения в советской индустрии (1917–1937 гг.) / пер. с англ. В.Ю. Лобовской. – М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. – 358 с.
5. Ларин Ю. Алкоголизм и социализм. – М.: Гос. изд-во, 1929. – 143 с.
6. Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии: от военного коммунизма к большому стилю. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 448 с. – (Культура повседневности).
7. Коткин С. Говорить по-большевистски // *Американская русистика: вехи историографии последних лет. Советский период*. – Самара: Самарский ун-т, 2001. – С. 250–328.
8. Михель М. В недрах социальной гигиены: социальная работа в России на рубеже XIX и XX веков // *Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX в.* / под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. – Саратов: Научная книга: Центр социальной политики и гендерных исследований, 2005. – С. 146–158.
9. Николаев А.В. Антиалкогольные кампании XX века в России // *Демоскоп Weekly*. – 2009. – 16–29 марта (№ 369–370). – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0369/analit04.php> (дата обращения: 19.05.2020).
10. Пономарёва В.В., Хорошилова Л.Б. Мир русской женщины: семья, профессия, домашний уклад: XVIII – начало XX века. – М.: Новый хронограф, 2009. – 352 с.
11. Совет народных комиссаров РСФСР. Постановление от 19 декабря 1919 года «О воспрещении на территории Р.С.Ф.С.Р. изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ» // *Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик*. – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_498.htm (дата обращения: 19.05.2020).
12. Работает ударно, отдыхает культурно // *Работница*. – 1935. – № 5–6. – С. 32.
13. Рицев А. Быт текстильщиков как он есть // *Революция и культура*. – 1925. – № 9. – С. 20–32.
14. Севастьянова. Разве я видела то, что видит мой ребенок? // *Работница*. – 1935. – № 29–30. – С. 31.

15. *Стефанский П.* Лицо рабочего клуба // Революция и культура. – 1925. – № 12. – С. 10–20.
16. *Шабалин В.* «Как и полагалось, жизнью района руководит Круглов...» (конфликты и конвенции в среде партийно-советской бюрократии 20-х гг.) // Разрывы и конвенции в отечественной культуре / под ред. О.Л. Лейбовича, А.В. Чащухина, О.А. Смоляк. – Пермь: Перм. гос. ин-т искусства и культуры, 2011. – С. 88–104.
17. *Ilic M.* Life Stories of Soviet Women: The Interwar Generation. – London; New York: Routledge, 2013. – 186 p. – (Routledge Studies in the History of Russia and Eastern Europe; 16).
18. *Kotkin S.* Magnetic Mountain: Stalinism as Civilization. – Berkeley: University of California Press, 1997. – 639 p.
19. *Reid S.* All Stalin's Women: Gender and Power in Soviet Art of the 1930s // Slavic Review. – 1998. – Vol. 57, iss. 1. – P. 133–173.

Статья поступила в редакцию 17.09.2019.

Статья прошла рецензирование 24.10.2019.

DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.2.2-418-433

SOVIET WOMAN AS AN AGENT OF GOVERNMENT IN A FAMILY IN THE PERIOD OF ANTI-ALCOHOL POLICY

Bolotova Elena,

Lecturer at the Culturology and Philosophy Department

Perm State Institute of Culture,

18 Gazety Zvezda St., Perm, 614045, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-5506-7892

pineapples.in.champagne@gmail.com

Abstract

The article is devoted to the image of a woman constructed by the government discourse in the early Soviet period. The government's propaganda imposed the social role of a woman as a social controller in addition to the social role of a worker, a social activist and a mother. In particular, this study is dedicated to the transformation of a female image in the anti-alcohol policy. The author uses content analysis investigating this complex image and the ways of its reflection in the mass literature. The sources of the study were articles showing the editorial Board ideas and "the reader's letters" published in the "Rabotnitsa" magazine dated from 1925 to 1936, the articles from "Revolution and Culture" magazine dated from 1928 to 1930 and the propaganda brochures.

The study showed that soviet propaganda began to change their messages recipients during realization of "cultural alcohol-drinking program". This anti-alcohol propaganda turned its attention from the men's to the women's audience. The anti-alcohol articles' characters appeared as innocent victims of their alcoholic husbands. But at the same time the propaganda stressed the idea that women had great potential to fight against alcoholism. Gradually, the woman's image began to acquire more and more positive features. Often female fates stories evoked compassion and pity or even admiration. Along with this tendency their husbands' images turned more and more pathetic, helpless and infantile.

The governmental discourse of the 30-s strived to transfer the family responsibility and social control to women considering them to be a reliable support for the propaganda projects implementation. Consequently, the constructed working and mothering woman's image was enriched with socio-educational and socio-regulating functions. Thus, anti-alcohol propaganda caused the change of the previously existing gender order when a man played a dominant role in a family and put a woman to the priority position implying that she is more conscious than a man.

Keywords: early Soviet period, Soviet society, 1930s, Soviet gender culture, a Soviet woman image, propaganda, social policy, government discourse, a social activist, anti-alcohol policy, an idea of social control.

Bibliographic description for citation:

Bolotova E.A. Soviet Woman as an Agent of Government in a Family in the Period of Anti-Alcohol Policy. *Idey i idealy = Ideas and Ideals*, 2020, vol. 12, iss. 2, pt. 2, pp. 418–433. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.2.2-418-433.

References

1. Bolotova E.V. O pochetnoi grazhdanke i schastlivoi materi: evolyutsiya obraza “sovetskoi zhenshchiny” v 1930-e gody [About an Honorary Citizen and Happy Mother: The Evolution of the Image of Soviet Woman in the 1930s]. *Observatoriya kul'tury = Observatory of Culture*, 2019, vol. 16, no. 3, pp. 300–309.
2. Volkov V.V. Kontseptsiya kul'turnosti, 1935–1938 gody: sovetskaya tsivilizatsiya i povsednevnost' stalinskogo vremeni [The Cultural Concept, 1935–1938: Soviet Civilization and the Everyday Life of the Stalin Period]. *Sotsiologicheskij zhurnal = Sociological Journal*, 1996, no. 1–2, pp. 194–213.
3. Heller M. *Mashina i vintiki: istoriya formirovaniya sovetskogo cheloveka* [A Cog and the Wheel: The Development of Homo Sovieticus: (A Historical Study)]. London, Overseas Publications Interchange, 1985. (In Russian).
4. Goldman V.Z. *Women at the Gates: Gender and Industry in Stalin's Russia*. Cambridge, UK, New York, Cambridge University Press, 2002 (Russ. ed.: Goldman V.Z. *Zhenshchiny u prokhodnoi: gendernye otnosheniya v sovetskoi industrii (1917–1937 gg.)*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 358 p.).
5. Larin Yu. *Alkogolizm i sotsializm* [Alcoholism and Socialism]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1929. 143 p.
6. Leбина N. *Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii: ot voennogo kommunizma k bol'shomu stilyu* [Soviet Every Day Life: Norms and Anomalies. From War Communism to Grand Style]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015. 448 p.
7. Kotkin S. Govorit' po-bol'shevistski [Speaking Bolshevik]. *Amerikanskaya rusistika: vekhi istoriografii poslednikh let. Sovetskii period* [American Russian Studies: Milestones in the Historiography Of Recent Years. The Soviet Period]. Samara, Samarskii universitet Publ., 2001, pp. 250–328.
8. Mikhel' M. V nedrakh sotsial'noi gigieny: sotsial'naya rabota v Rossii na rubezhe XIX i XX vekov [In the Depths of Social Care: Social Work in Russia of the XIX–XX]. *Nuzhda i poryadok: istoriya sotsial'noi raboty v Rossii, XX v.* [Need and Order: History of Social Work in Russia in XX Century]. Saratov, Nauchnaya kniga Publ., 2005, pp. 146–158.
9. Nikolaev A.V. Antialkogol'nye kampanii XX veka v Rossii [Anti-Alcohol Campaigns of the XX Century in Russia]. *Demoskop Weekly*, 2009, 16–29 March. (In Russian). Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0369/analit04.php> (accessed 19.05.2020).
10. Ponomareva V.V., Khoroshilova L.B. *Mir russkoi zhenshchiny: sem'ya, professiya, domashnii uklad: XVIII – nachalo XX veka* [Russian Women's World: Family, Profession, Home Life of XVIII-early XX Century]. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2009. 352 p.
11. Sovet narodnykh komissarov RSFSR. Postanovlenie ot 19 dekabrya 1919 goda “O vospreshchenii na territorii R.S.F.S.R. izgotovleniya i prodazhi spirta, krepkikh na-

pitkov i ne odnosyashchikhsya k napitkam spirtosoderzhashchikh veshchestv” [Council of People’s Commissars. Judgment of 19 Desember 1919 “About Interdiction on the RSFSR Territory Manufacture and Sale of Alcohol...”]. *Biblioteka normativno-pravovykh aktov Soyuza Sovetskikh Sotsialisticheskii Respublik* [Library of Normative Legal Acts of the Union of Soviet Socialist Republics]. Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_498.htm (accessed 19.05.2020).

12. Rabotaet udarno, otdykhaet kul’turno [Bough Work and Rest Well]. *Rabotnitsa = Worker*, 1935, no. 5–6, p. 32.

13. Rishchev A. Byt tekstil’shchikov kak on est’ [Life of Textile Workers as It Is]. *Revolutsiya i kul’tura = Revolution and Culture*, 1925, no. 9, pp. 20–32.

14. Sevast’yanova. Razve ya videla to, chto vidit moi rebenok? [Bid I Have What My Child Has]. *Rabotnica = Worker*, 1935, no. 29–30, p. 31.

15. Stefanskii I. Litso rabocheho kluba [Workers’ Club Image]. *Revolutsiya i kul’tura = Revolution and Culture*, 1925, no. 12, pp. 10–20.

16. Shabalin V. “Kak i polagalos’ zhizn’yu raiona rukovodit Kruglov...” (konflikty i konventsii v srede partiino-sovetskoi byurokratii 20-kh gg.) [As was Supposed the Life of the District is Headed by Kruglov...] (Conflicts and Conventions of the Soviet Bureaucracy’s Political Party – of the 20-s)]. *Razryny i konventsii v otechestvennoi kul’ture* [The Gap and the Convention of the National Culture]. Perm’, Perm State Institute of Culture Publ., 2011, pp. 88–104.

17. Ilic M. *Life Stories of Soviet Women: The Interwar Generation*. London, New York, Routledge, 2013. 186 p.

18. Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as Civilization*. Berkeley, University of California Press, 1997. 639 p.

19. Reid S. All Stalin’s Women: Gender and Power in Soviet Art of the 1930s. *Slavic Review*, 1998, vol. 57, iss. 1, pp. 133–173.

The article was received on 17.09.2019.

The article was reviewed on 24.10.2019.